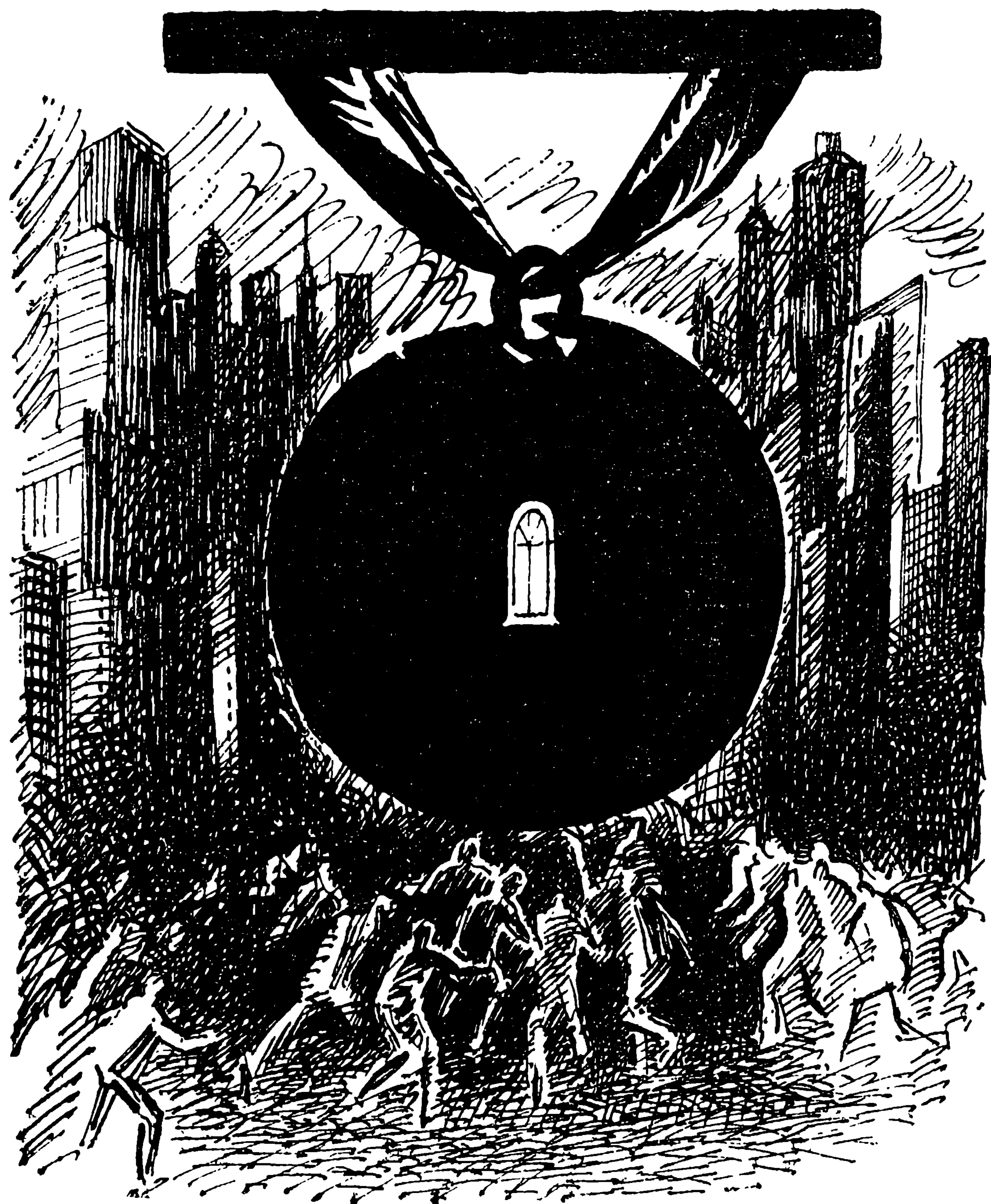

Роберт ШЕКЛИ

ЛОВУШКА ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Фантастический рассказ

Настал День Земельных Бегов — пора радужных надежд и безутешных трагедий; день, олицетворяющий несчастливый двадцать первый век. Стив Бэкстер пытался добраться до Стартовой Черты пораньше, как и остальные претенденты, но не рассчитал время. Он попал в трудное положение. Пока толпа была достаточно разреженной, значок Участника выручал его и помогал продвигаться дальше. Но и значок, и стальные мускулы оказались совершенно бесполезными, стоило ему попасть в настоящий людской водоворот.

В распоряжении Бэкстера осталось всего-навсего шесть минут, и он, презрев риск, вклинился в толпу, бесновавшуюся, несмотря на то, что власти совсем недавно опылили ее транквилизаторами. На лице Стива застыла улыбка, единственное средство пробиться сквозь густую толпу. Теперь ему была видна Стартовая Черта — платформа, сооруженная в Глибпарке Джерси-Сити. Другие претенденты уже собрались. «Еще двадцать ярдов, — подумал Стив, — только бы это проклятое стадо не ударило в панику!»

На его пути теперь было только одно препятствие, но зато самое опасное — сквернословящие верзилы с невидящими глазами. Пандемиологи называли их слипниками. Спрессованные как сельди в бочке, реагирующие как единый организм, эти люди не были способны ни на что, кроме безрассудной ярости и слепого сопротивления всему, что осмеливалось пробиваться сквозь их ряды. Их ноздри свирепо раздувались, ноги зловеще шаркали.

Раздумывать было некогда, и Бэкстер ринулся в самую гущу. На него обрушился град ударов, в ушах зазвенело пугающее, исступленное «ур-р-р». Бесформенные тела стиснули его и душили, душили, душили.

Его спасла музыкальная установка, которую власти вовремя догадались включить. Древняя и таинственная музыка, испытанное средство успокоения самых горячих голов, не подкачала и на этот раз. Ее звуки временно остановили слипников, и Стив Бэкстер пробил себе дорогу к Стартовой Черте.

Главный Судья уже зачитывал Положение. Все претенденты и большинство зрителей знали этот документ наизусть. Но закон требовал, чтобы Условия были оглашены.

— Господа! — читал Главный. — Вы собрались здесь, чтобы принять участие в Бегах за приобретением Государственных Земель. Вы — пятьдесят счастливцев, избранных публичной лотереей из пятидесяти миллионов зарегистрировавшихся в Южном Вестчестере. Бега начинаются здесь и заканчиваются у Регистрационной линии Земельного Бюро на площади Таймсквер, Нью-Йорк. Ориентировочная длина дистанции 5,7 статутных мили. Претендентам разрешается избирать произвольный маршрут; передвигаться по, над или под землей, а также по воде. Обязательное требование: претендент должен финишировать лично, подмены не допускаются. Первые десять финалистов...

Толпа затаила дыхание.

—..получат по одному акру не бывшей ранее в частном вла-

Рисунок А. ГУСЕВА

дении земли вместе с домом и сельскохозяйственными орудиями. Каждый финалист и его ближайшие родственники обеспечиваются бесплатным проездом к своему участку. И этот вышеупомянутый акр будет передан в собственность и владение финалиста полностью и безвозмездно, не отчуждаемый ни у него самого, ни у его наследников, пока светит солнце и течет вода!

При этих словах массы тяжело вздохнули. Никому из столпившихся в Глиб-парке не доводилось видеть неотчуждаемый акр, не говоря о том, что никому и не снилось владеть таким. Акр земли, принадлежащий одному тебе и твоей семье, акр, который не нужно ни с кем делить, — это было недоступно самой необузданной фантазии.

— Да будет далее указано, — продолжал Судья, — что правительство не несет никакой ответственности за смертельные случаи во время сего состязания. Я уполномочен сообщить, что, по статистике, средний коэффициент смертности участников Земельных Бегов составляет примерно 68,9 процента. Любой претендент может добровольно снять свою кандидатуру без сохранения права на участие в Бегах когда-либо в дальнейшем.

Судья ждал, и какое-то время Стив Бэкстер взвешивал, не бросить ли ему эту самоубийственную затею. Конечно, и он, и Адель, и дети, и тетя Фло, и дядя Джордж могли бы и дальше перебиваться как-нибудь в своей уютной однокомнатной квартирке в Ларчмонтском жилом массиве имени Фреда Аллена рядом с другими людьми среднего достатка. Ведь он, Стив, совсем не похож ни на человека действия, ни на головореза, ни на уличного драчуна с волосатыми кулачищами. У него мягкие манеры, привычка поспать, явные признаки одышки и место консультанта в солидной фирме. Зачем ему, скажите на милость, очертя голову бросаться навстречу опасностям Нью-Йорка, самого мрачного и печально знаменитого города мира, подлинных каменных джунглей?

— Не ввязывался бы ты в это дело, Стиви, — сверхъестественным эхом его мыслей отозвался рядом чей-то голос.

Бэкстер обернулся и увидел, что рядом стоит Эдвард Фрейхофф Сент-Джон, его малоприятный сосед по Ларчмонту. Сент-Джон, чьи бегающие глазки частенько посматривали на Адель. Сент-Джон, который намекал, что располагает сведениями, якобы в огромной степени повышающими его шансы на победу в Бегах по Манхэттену, самому опасному месту в мире.

— Тебе не прорваться. Останься в сторонке, — сказал Сент-Джон своим противным, скрипучим голосом. — Будь хорошим мальчиком, а за мной не заржавеет. Ну так как, мой сладенький?

Бэкстер отрицательно покачал головой. Он не причислял себя к храбрецам, но он скорее умрет, чем уступит Сент-Джону или примет от него что-нибудь. Он отогнал все свои прежние мысли прочь. Какой бы оборот ни приняли дальнейшие события, он не может жить как прежде. Согласно принятой в прошлом месяце Поправке к Закону о местожительстве увеличенных семей Стив был обязан принять под свою крышу

трех незамужних двоюродных сестер и вдовствующую тетушку, чья полуподвальная однокомнатная квартирка в Лейк-Плэсидском индустриальном комплексе оказалась сметенной с лица земли новым туннелем Олбани — Монреаль.

Даже при противошоковых уколах десять человек в одной комнате многовато. Он просто обязан выиграть земельный участок!

— Я побегу, — спокойно сказал Бэкстер.

— О'кэй, щенок, — проскрипел Сент-Джон, и злое выражение исказило его жестокое, сардоническое лицо. — Пеняй на себя!

— Господа, на старт! — выкрикнул Главный Судья.

Претенденты замолчали и выстроились на Стартовой Черте, прищуриив глаза и плотно сжав губы.

— Внимание!

Мышцы сотни ног напряглись, когда пятьдесят полных решимости соискателей подались вперед.

— Марш!

И Бега взяли старт!

Ультразвуковой гудок временно парализовал окружающую толпу. Претенденты протиснулись между застывшими телами и с максимально возможной скоростью прошли вдоль длинных рядов застрявших в пробке автомобилей. Затем участники Бегов разделились, но большинство направилось на восток, к реке Гудзон и зловещего вида городу, который лежал на ее противоположном берегу, полускрытый грязной дымкой.

Только Стив Бэкстер не повернул на восток.

Единственный среди претендентов, он двинулся на север, к мосту Джорджа Вашингтона.

В далеком Ларчмонте Адель Бэкстер следила за Бегамы по телевизору. Она непроизвольно ахнула.

— Мам, мам! — закричал ее восьмилетний сын Томми. — Он пошел на север, к мосту! А мост-то закрыт, он там не пройдет!

— Не беспокойся, милый, — сказала Адель. — Твой папа знает, что делает.

Она говорила с уверенностью, которой не чувствовала. И когда фигура ее мужа затерялась в толпе, она устроилась у телевизора, чтобы ждать... и молиться.

Семена этой проблемы были посеяны еще в двадцатом веке, но страшный урожай был собран сто лет спустя. Произошел демографический взрыв — население удвоилось и еще раз удвоилось. Ничто не могло остановить развитие этого процесса. И люди плодились, все больше и больше теснясь на земле, загрязняя воздух и отравляя воду.

Увеличение численности населения повлекло за собой качественные изменения в жизни людей. В прошлом приключения и опасности большей частью были связаны с незаселенными территориями — высокими горами, суровыми пустынями, выделяющими испарения джунглями. Но к началу двадцать первого века приключения и опасности в избытке водились в чудовищных, неуправляемых сверхгородах. Экспедиция в Нью-

Йорке или Чикаго сопровождалась большим риском, чем, например, в далеком прошлом восхождение на Эверест или путешествие к истокам Нила.

В этом мире — консервной банке — драгоценнейшим из сокровищ была земля. Правительство сочло целесообразным делить ее посредством региональных лотерей, кульминацией которых стали Земельные Бега. Считалось, что Земельные Бега справедливы и интересны.

Помимо того, их ценной особенностью считалась высокая относительная смертность среди претендентов. Хотя она не выражалась значительными абсолютными цифрами, для задыхающегося от перенаселения мира и это было отдушиной...

С момента старта прошло три часа. Стив Бэкстер включил транзистор и слушал сообщения с дистанции. Первая группа претендентов достигла Холланд-туннеля, где вооруженные полицейские дали им от ворот поворот. Другие, похитрее, избрали окольную дорогу к Стейтен-Айленду и теперь были на подступах к мосту Верразано. Эдвард Фрейхофф Сент-Джон, пробивающийся в одиночку, совал в нос каждому встречному значок представителя мэрии и прошел-таки через баррикады Линкольн-туннеля.

Пришло время Стиву Бэкстеру сыграть ва-банк. С решительным видом он отважно ступил на территорию дурной славы вольного порта Хобокен.

Над хобокенским берегом сгустились сумерки. Перед Стивом в свете лунного серпа один к одному стояли аккуратненькие быстроходные кораблики хобокенского флота контрабандистов. Кое-где на палубах уже был принайтован груз — блоки сигарет из Северной Каролины, ликер из Кентукки, апельсины из Флориды, наркотики из Калифорнии, оружие из Техаса. Каждый ящик имел официальное клеймо «Контрабанда. Налог уплачен». Да, в этот злосчастный век зажатое в тиски правительство было вынуждено облагать налогом даже нелегальные предприятия, придавая им тем самым полулегальный статус.

Тщательно выбрав момент, Бэкстер шагнул на палубу суденышка с острыми обводами и залег между душистыми тюками с марихуаной. Катер был готов к отплытию в любую минуту; только бы его не нашли во время короткого рейса через реку...

— Эй ты! Какого дьявола тебе здесь надо?

Изрядно накачавшийся помощник машиниста, некстати вылезший из кубрика, застал Бэкстера врасплох. Услышав его крик, на палубу высыпала вся команда. Перед этой жестокой, развязной оравой трепетали — убийство было для них плевым делом. Они были из той породы уголовников, которые разграбили Уихокен несколько лет назад, предали огню Форт-Ли и мародерствовали на всем пути до Инглвудских ворот. Пощады от таких не жди, Стив Бэкстер знал это. И тем не менее с великолепным хладнокровием сказал:

— Господа, мне очень нужно на тот берег Гудзона, с вашего позволения.

Капитан контрабандистов, здоровенный метис с обезображенным шрамами лицом и стальными мускулами, откинулся назад и захохотал.

— Перекинуть его на тот берег! — проревел он на грубом хобокенском наречии. — Ты, паря, спутал нас с паромом Кристофер-стрит!

— Что вы, сэр. Я надеялся...

— В могилу тебя сведут твои надежды!

Команда оглушительно захохотала, гордясь своим остроумным капитаном.

— Я готов заплатить за переезд, — сдержанно и с достоинством сказал Стив.

— Он, видите ли, готов заплатить! — прорычал капитан. — Силен, бродяга! Да таких мы возим без остановок до быстринки, а там башкой вниз!

Команда хохотала до судорог.

— Чему быть, того не миновать, — сказал Стив Бэкстер. — Позвольте мне в таком случае написать открытку жене и детям.

— Так у тебя красotka и мал мала? — переспросил капитан. — Чего же ты раньше-то молчал? Было время, и у меня на шее семейка сидела, да перемерли все от собачьей жизни. Повскакивали у них какие-то прыщики — и привет.

— Мне очень жаль, — чистосердечно посочувствовал Стив.

— Угу, — буркнул капитан, и выражение его лица смягчилось.

К нему протолкался коротышка впередсмотрящий.

— Эй, капитан, давайте кокнем его по-быстрому — и поплыли, пока маришка не сгнила.

— Ты кому приказываешь, шелудивая морда?! — разъярился капитан. — Иисус свидетель, маришка будет гнить, пока я не скажу «хорош»! А парня мне не замай. Сделаем доброе дело, разрази меня гром, если не будет по-моему! — Он повернулся к Бэкстеру. — Мы отвезем тебя, голуба. Так отвезем, за здорово живешь.

Итак, Стив Бэкстер, затронув невзначай слабую струнку в душе капитана, был спасен. Марихуанщики отчалили, и их кораблик вступил в борьбу с грязными серо-зелеными волнами Гудзона.

Но недолго музыка играла для Стива Бэкстера. На середине реки, как только они вошли в федеральные воды, ночной мрак разорвал свет мощного прожектора, и неприятный голос приказал им остановиться. Злая судьба столкнула их нос к носу с патрульным сторожевиком.

— Пропади они пропадом! — ревел капитан. — Бери налог и убивай, других дел у них нет! Но мы им покажем, кто мы такие! К оружию, братва!

Команда быстро стащила брезент с пулеметов, а оба дизеля катера вызывающе взревели. Искусно лавируя, кораблик контрабандистов мчался к спасительному нью-йоркскому берегу. Но сторожевик с огромной скоростью шел наперерез, и против его четырехдюймовок пулеметы были бессильны. Прямые попадания не оставили и следа от носового ограждения, вдребезги разнесли рубку, подсекли верхушки фок-штагов и срубили у бизани фалы правого борта.

Позорная сдача или смерть — другого выхода, похоже, не было. Но тут воздух сотряс громовой голос капитана.

— Держитесь, парни! — завопил он. — Поднимается западный ветер!

Пули сыпались градом вокруг него. И тут с запада накатило огромное непроницаемое облако смога, обволакивая все своими черными щупальцами. Продырявленный там и сям кораблик ускользнул с поля боя; и его команда, сбросив противогазы, возблагодарила дымящиеся, заваленные мусором земли Секокаса. Как заметил капитан, скверный ветер тот, что не приносит пользы...

Через полчаса они причалили к пирсу Семьдесят девятой улицы. Капитан распрощался со Стивом и пожелал ему удачи. И Стив Бэкстер продолжил свой путь.

Широкий Гудзон остался позади. Согласно последним сообщениям он намного опередил остальных претендентов, даже Эдварда Фрейхоффа Сент-Джона, который никак не мог найти выход из лабиринта, которым кончался в Нью-Йорке Линкольн-туннель. Прослушав все сообщения, он решил, что теперь дело в шляпе.

Но оптимизм Бэкстера был преждевременным. Нью-Йорк и не таких обламывал. Он еще не знал, что главные передраги ждут его впереди.

Стив решил отдохнуть. Проспав несколько часов на заднем сиденье брошенной автомашины, он двинулся дальше на юг по Вест-Энд-авеню. Светало. Огромные зубья башен Манхэттена уходили ввысь, а над ними, словно на фантастическом гобелене, пучки телевизионных антенн вплетались в охряно-серое небо. Глядя на эту картину, Бэкстер представлял себе, каким был Нью-Йорк сотню лет назад, в благодатное и безопасное время до демографического взрыва.

Его резко вытряхнули из состояния задумчивости. Будто изпод земли выросли перед ним несколько человек. Они были в масках, широкополых черных шляпах и вооружены до зубов. Вида они были самого злодейского, но одновременно и живописного.

Один из них — очевидно, главарь — выступил вперед. Это был старик с неправильными чертами лица, густыми черными усами и мрачными воспаленными глазами.

— Незнакомец, — сказал он, — покажи-ка свой пропуск.

— Я... — Бэкстер запнулся. — У меня нет пропуска.

— То-то и оно, черт побери! — гаркнул старик. — Я Пабло Стейнмец, и я один выдаю пропуска на всю округу, и я что-то не припомню, чтобы хоть раз видел твою физиономию в этих краях.

— Я здесь впервые, — сказал Бэкстер. — Мне ничего не нужно, только пройти.

Громилы в черных шляпах ухмылялись и подталкивали друг друга. Пабло Стейнмец почесал свой небритый подбородок и сказал:

— М-да, сынок, выходит, ты пытаешься пройти по дороге частного пользования без разрешения владельца, в данном

случае меня, значит, ты нарушитель права владельца. Пусть кто-нибудь скажет, что это не так!

— Какие могут быть частные владения в самом центре Нью-Йорка? — спросил Бэкстер.

— Мои, вот какие. Раз я сказал мои, значит, мои, — прорычал Пабло Стейнмец, поглаживая насечки на стволе своего винчестера. — Это очень просто, незнакомец, так что давай либо плати, либо весели народ.

Бэкстер сунул руки за бумажником и ощутил под пальцами пустоту. Очевидно, капитан марихуанщиков при расставании все же дал волю своим изменным привычкам и запустил руку в его карманы.

— У меня нет денег, — выдавил из себя Бэкстер. — Я лучше пойду назад.

— Вперед или назад, один черт, частные владения, — проговорил Стейнмец, покачивая головой. — Гони монету или весели народ.

— Что ж, делать нечего, придется веселить, — сказал Бэкстер. — У вас есть любимая игра?

— Есть, — сказал старый Пабло. — Ты побежишь, а мы постреляем в тебя по очереди, целясь только в затылок. Кто тебя уложит, тот и выиграл.

— Это нечестно! — заявил Бэкстер.

— Тебе, малыш, придется трудновато, — ласково сказал Стейнмец. — Но закон есть закон, даже у нас. И он гласит: если твои ноги достаточно быстры, чтобы вынести тебя на свободу...

Бандиты ухмылялись и подталкивали друг друга, расстегивали кобуры и сдвигали на затылки свои широкополые черные шляпы. Бэкстер готовился бежать от смерти...

— Стойте! — крикнул в этот миг женский голос.

Обернувшись, Бэкстер увидел высокую рыжеволосую девушку, перед которой расступались бандиты. На ней был костюм тореадора. Экзотическое одеяние подчеркивало ее дерзкую красоту. В ее волосах алела бумажная роза, нитка искусственного жемчуга обвивала ее изящную шею. Ни наяву, ни во сне еще не видал Бэкстер такой прелести.

Пабло Стейнмец нахмурился.

— Флэйм! — проревел он. — Проклятье! Что ты затеяла?

— Я пришла, чтобы помешать вашим забавам, отец, — холодно сказала девушка. — Дайте мне поговорить с этим размазней.

— Не о чем вам разговаривать, — сказал Стейнмец. — Беги, незнакомец!

— Не вздумай шевельнуться, незнакомец! — крикнула Флэйм, и в ее руке появился маленький «дерринджер».

Отец и дочь свирепо смотрели друг на друга. Старый Пабло не выдержал первым.

— Пропади все пропадом! Флэйм, убери пушку, — сказал он миролюбиво. — Закон есть закон, даже для тебя. Этому нарушителю моих прав нечем платить, пускай хоть позабавит нас маленько.

— Не будет этого! — заявила Флэйм. Она извлекла откуда-то блестящую серебряную монету в двадцать долларов. —

Вот вам выкуп, — сказала она, швыряя ее к ногам Пабло. — Пойдем, незнакомец.

Она взяла Бэкстера за руку и повела за собой. Бандиты смотрели им вслед, ухмылялись и подталкивали друг друга, пока Стейнмец не глянул на них исподлобья. Старик Пабло покачал головой, почесал за ухом, высморкался и сказал:

— Ну что ты будешь делать с этой девкой!

Эти слова были произнесены с отцовской нежностью.

На город опустилась ночь, и бандиты расположились лагерем на углу Шестьдесят девятой улицы и Вест-Энд-авеню. Люди в черных шляпах развалились в непринужденных позах возле гудящего костра. На вертеле жарилась сочная грудинка, в объемистом котелке варились свежемороженые овощи. Старый Пабло Стейнмец присосался к фляге с мартини. Где-то в темноте одинокий пудель воем призывал подругу.

Стив и Флэйм сидели в сторонке. Чары ночи, совсем тихой, если не считать доносившегося издали рева мусоровозов, действовали на них обоих. Их руки встретились и задержали друг друга... Наконец Флэйм сказала:

— Стив, я... я нравлюсь тебе, скажи?

— Ну конечно, нравишься, — ответил Стив, обняв ее за плечи.

— Знаешь, — сказала девушка, — я думала... — Она застенчиво помолчала. — Ах, Стив, забудь о Бегах, это же самоубийство! Останься здесь, со мной! У меня есть земля, Стив, честное слово, целых сто квадратных ярдов на нью-йоркской центральной сортировочной! Ты и я, Стив, мы могли бы обрабатывать ее вместе.

Какой соблазн! Незабываемая красота и гордая натура Флэйм Стейнмец, даже без упоминания о заманчивой земле, легко могли бы покорить сердце любого мужчины. Какой-то миг Стив колебался.

Но затем верх взяла верность. Конечно, Флэйм — романтическое создание, воплощенная поэзия, о которой многим дано лишь мечтать. Но Адель... Адель, в которую он влюблен с детства; была его женой, матерью его детей, терпеливой спутницей его жизни. Для человека с характером Стива Бэкстера просто не существовало иного выбора.

Властная девушка не привыкла, чтобы ей отказывали в чем бы то ни было. Разгневанная, как ошпаренная пума, она угрожала вырвать сердце Стива, обвалить его в муке, поджарить на медленном огне и съесть. Ее огромные глаза сверкали, она дрожала от ярости.

И все же он сохранил спокойствие, неумолимость и верность своим убеждениям. Тут Флэйм с грустью осознала, что никогда бы не полюбила этого человека, не обладай он этими прекрасными качествами, из-за которых ее желания останутся навеки неисполненными.

Поэтому утром, когда скромный путник снова заговорил об уходе, она не стала его удерживать. Она даже утихомирила своего разъяренного отца, который кричал, что Стив идиот

каких мало и что его нужно поддержать взаперти для его же блага.

— Это бесполезно, папочка, разве ты не понимаешь? — говорила Флэйм. — Он должен жить как хочет.

Пабло Стейнмец поворчал себе под нос и успокоился.

Отчаянная одиссея Стива Бэкстера продолжалась.

Он углублялся в деловые кварталы, ослепленный неоновыми молниями, оглушенный непрерывными шумами огромного города. В конце концов он вступил в зону действия множества знаков:

ОДНОСТОРОННЕЕ ДВИЖЕНИЕ!

ХОДА НЕТ!

ОСЕВУЮ ЛИНИЮ НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ!

ПО ВЫХОДНЫМ И ПРАЗДНИЧНЫМ ДНЯМ ЗАКРЫТО!

В БУДНИЕ ДНИ ЗАКРЫТО!

ТОЛЬКО НАЛЕВО!

Петляя в этой путанице противоречащих одно другому предписаний, он забрел на бескрайнюю территорию нищеты, известную под названием Централ-парк. Все вокруг, насколько хватал глаз, каждый квадратный фут был занят жалкими халупами, убогими вигвамами и зловонными подозрительными заведениями. Его внезапное появление среди озверевших обитателей парка вызвало обмен репликами, не сулящими ему ничего хорошего. Им втемяшилось, что он санитарный инспектор, что он пришел засыпать их малярийные колодцы и мучить прививками их чесоточных детей. Его окружила толпа, она размахивала костылями и изрыгала угрозы.

На его счастье, в этот момент где-то что-то перегорело, и парк погрузился во тьму. Воспользовавшись возникшей паникой, Стив благополучно унес ноги.

Он очутился в районе, где все знаки и указатели были давным-давно сорваны, чтобы сбивать с толку чиновников налогового управления. Даже компас не вывел бы его отсюда из-за близости огромной массы железного лома — всего, что осталось от легендарной нью-йоркской подземки.

Стив Бэкстер понял, что безнадежно заблудился. И все же он искал выход. День за днем он бродил и бродил по однообразным улицам без названий, мимо бескокечных домов, гор битого стекла, автомобильных свалок и тому подобного. Жители отвечали молчанием на его вопросы, принимая его за агента ФБР. Шатаясь, он брел дальше, не в силах добыть еду и питье и боясь присесть, чтобы не быть растоптанным толпой.

Однажды какой-то благодетель остановил Бэкстера как раз в тот момент, когда он собирался напиться из фонтана с зараженной водой. Этот мудрый седовласый старик выходил его в своей лачуге из спрессованных газет, расположенной вблизи заросших мхом руин линкольновского центра. Он посоветовал Бэкстеру бросить свои горячие поиски и посвятить жизнь делу помощи несчастным, одичавшим бесчисленным людям, которые страдают рядом с ним.

Слов нет, идеал благородный, и Стив уже подумывал о служении ему; но затем, к счастью или несчастью, он услышал по

допотопному «Галликрафтеру» своего благодетеля последнее сообщение о ходе Бегов.

Многие претенденты встретили судьбу, уготованную им урбаносинкразией. Эдвард Фрейхофф Сент-Джон отбывал тюремное заключение за нарушение санитарных правил второй степени. Группа, перешедшая мост Верразано, исчезла в занесенных снегом бастионах Бруклинских высот, и с тех пор о ней не было ни слуху ни духу.

Бэкстер понял, что у него еще есть шансы...

Он заметно воспрянул духом, вновь почувствовал себя претендентом. Им даже овладела самоуверенность, куда более опасная, чем самая глубокая депрессия. Кара пришла очень скоро.

Он быстро продвигался к углу Сорок девятой улицы и Восьмой авеню. Переходя через улицу, Стив не вовремя размечтался и не заметил, что на светофоре вдруг зажегся зеленый свет. Он понял это поздно по низкому, зловещему реву. Водители, взбешенные днями томительного ожидания в пробке и не обращающие внимания на пустяковые препятствия, одновременно нажали на педали акселераторов. Разъяренное автомобильное стадо мчалось прямо на Стива Бэкстера.

Добежать до тротуара не было никакой возможности — слишком широка Восьмая авеню. Лихорадочно соображая на ходу, Бэкстер откинул крышку ближайшего люка и нырнул под землю. На все про все у него было максимум полсекунды. Сверху доносились сокрушительные удары сталкивающихся машин и скрежет искореженного металла.

Стив продвигался вперед по канализационной системе. Ее переплетенные галереи были плотно заселены, но по сравнению с наземными дорогами куда более безопасны. Лишь однажды он пережил неприятные минуты, когда около отстойника его окатила зловонная волна.

Ожесточенный неурядицами, Стив силой отнял у какого-то типа каноэ — предмет первой необходимости в этих подземных каналах. Остервенело отталкиваясь от стен, он доплыл до угла Сорок второй улицы и Восьмой авеню прежде, чем началось внезапное наводнение.

Да, теперь до его долгожданной цели рукой подать. Остался всего один квартал, один квартал — и он на Таймс-сквер у Земельного Бюро!

Но в этот момент он натолкнулся на последнее, сногсшибательное препятствие, которое подписало смертный приговор его мечтам.

Посреди Сорок второй улицы, простираясь на север и на юг, как ему показалось, до бесконечности, возвышалась стена. Это циклопическое сооружение выросло за одну ночь — с обычной и общепринятой скоростью строительства. Бэкстер узнал, что это гигантский новый жилой дом для обеспеченных людей. До Таймс-сквер теперь можно было добраться только в обход — через Куинз-Бэттери-туннель и по Восточной Тридцать седьмой улице.

По расчетам Стива, новый маршрут занял бы не менее

трех недель, и идти бы пришлось через неисследованный Гармент. Он понял, что Бега для него кончились. С горечью Стив включил свой маленький транзисторный приемник.

Четверка претендентов уже достигла Земельного Бюро. Пятеро других находились в нескольких сотнях ярдов от цели, беспрепятственно приближаясь к ней с юга. И — это окончательно добило Стива — он услышал, что Эдвард Фрейхофф Сент-Джон был амнистирован самим губернатором и прокладывает себе путь к Таймс-сквер с востока.

И в эту самую черную минуту жизни Стива на его плечо легла чья-то рука. Он повернулся и увидел Флэйм Стейнмец.

Да, эта чудесная девушка не смогла забыть своего гостя с тихим голосом. Не слушая бессвязных уговоров пьяного папаша, она тайком следила за каждым шагом Стива и в критический момент пришла ему на помощь. Этот мягкий, спокойный человек, как оказалось, значил для нее больше, чем гордость, больше, быть может, чем сама жизнь.

Что такое какая-то стена для дочери главаря шайки? Если эту стену нельзя обойти или подкопаться под нее, значит, нужно перелезть через нее! Для этого она притащила веревки, специальные ботинки, крючья, кошки, молотки, топоры — полный комплект альпинистского снаряжения. Она решила, что даст Бэкстеру шанс — пусть исполнится его сокровенное желание! — и что она, Флэйм Стейнмец, должна быть рядом с ним, не слушая его возражений!

Бок о бок карабкались они по гладкой как стекло поверхности. Их подстерегали бесчисленные угрозы — птицы, летательные аппараты, полицейские снайперы — все опасности неуправляемого города.

Минула полная риска вечность, они добрались до вершины и начали спуск с другой стороны, и тут... Флэйм оступилась!

С ужасом Бэкстер смотрел, как изящная девушка падает на Таймс-сквер, как она умирает, пронзенная иглой автомобильной антенны. Со всей доступной ему скоростью Бэкстер спустился вниз и рухнул на колени рядом с ее телом, едва не обезумев от горя.

...Сильные руки поставили Бэкстера на ноги. Он тупо посмотрел в доброе красное лицо чиновника Земельного Бюро.

Он никак не мог понять, что Бега для него закончились. Как сквозь сон слушал он о том, что наглость и надменность Сент-Джона вызвали бунт в Бирманском квартале Восточной Сорок второй улицы с очень горячим населением, а сам он был вынужден попросить убежища в развалинах Публичной библиотеки и по сию пору не может оттуда выбраться.

Но злорадство было не в характере Стива Бэкстера. Наконец он постиг, что выиграл, вовремя прибыл к Земельному Бюро и тем самым сделал заявку на последний свободный акр земли.

Его успех стоил титанических усилий, боли и одной юной жизни.

Время лечит; несколько недель спустя мысли Стива Бэкстера уже не возвращались к трагическим событиям Бегов. Самолет

бесплатно доставил его вместе с семьей в город Корморан в горах Сьерра-Невады. Из Корморана вертолет перенес их прямо к цели. Сухонький представитель Земельного Бюро был тут как тут, поздравил их с удачей и показал им новую недвижимость.

Их земля лежала перед ними, обнесенная заборчиком, на почти вертикальном склоне горы. Кругом были точно такие же огороженные акры, они тянулись до самого горизонта. Еще недавно здесь велась открытая разработка каких-то полезных ископаемых; пыльную, мышиного цвета землю усеивали рытвины и ухабы. На ней не росли ни деревья, ни цветы, ни трава. Зато, как обещалось, был дом, или, точнее, хибара. Можно было с уверенностью сказать, что до первого проливного дождя она простоит.

Несколько минут Бэкстер молча осматривался. Потом Адель не выдержала и вздохнула.

— Ах, Стив!

— Знаю, — сказал Стив.

— Это наша новая земля.

Стив кивнул.

— Не очень-то она... смотрится, — запинаясь, сказал он.

— Не смотрится? — переспросила Адель. — Ну и что? Главное — она наша. Наша, Стив! Целый акр! Мы сможем что-нибудь выращивать, Стив!

— Пожалуй, сначала надо бы...

— Знаю, знаю. Конечно, сначала мы приведем ее в порядок, а потом засеем и будем собирать урожай! Мы заживем, Стив! Еще как! Правда?

Стив молча глядел на дорого доставшуюся ему землю. Его дети — Томми и светловолосая малютка Амелия — уже играли в куличики. Представитель Бюро откашлялся и сказал:

— Вы знаете, еще не поздно отказаться.

— Что-что? — переспросил Стив.

— Вы можете отказаться от земли, вернуться в свою городскую квартиру... Я хочу сказать, что некоторые считают, что здесь как-то все запущено, диковато, не совсем то, что бы им хотелось иметь...

— Нет, Стив, не надо! — простонала жена.

— Нет, папочка, нет, — заплакали дети.

— Вернуться? Нет, — ответил Бэкстер, — у меня этого и в мыслях не было. Я думал о том, что никогда не видел столько земли сразу!

— Я вас понимаю, — мягко сказал представитель. — Я здесь уже двадцать лет, и до сих пор это зрелище захватывает меня.

Стив и Адель не могли оторвать глаз от своих владений. Чиновник почесал нос и сказал:

— Вы, наверное, больше не нуждаетесь в моих услугах, друзья. — Он незаметно удалился.

Потом Адель снова вздохнула.

— Ах, Стив! Все это наше! И это выиграл для нас ты, ты один, Стив!

Губы Бэкстера сжались. Но тут же он сказал очень спокойно:

— Нет, милая, одному это не под силу. Мне помогли.

— Кто, Стив? Кто помог тебе?

— Когда-нибудь я все расскажу, — сказал Бэкстер. — А теперь пойдём в дом.

Рука об руку они вошли в свою лачугу. Далеко позади них солнце опускалось во мрак лос-анджелесского смога. Вряд ли у этой истории второй половины двадцать первого века мог быть более счастливый конец.

Перевел с английского С. ЛЕВИЦКИЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вряд ли, в самом деле, у этой истории второй половины двадцать первого века мог быть более счастливый конец... Потому что, если верить Роберту Шекли, одному из ведущих американских фантастов, будущее вообще сулит человеку слишком мало хорошего. Да и сам человек двадцать первого века представлен Шекли слишком жалким и слабым. Лишь отчаяние заставляет героя рассказа принять участие в безумных Бегах, и даже сама его победа оборачивается нелепым фарсом — выигран лишь клочок каменистой земли на почти вертикальном склоне горы, с лачугой, которая простоит лишь до первого проливного дождя. Да, невеселый прогноз, невеселым видится будущее американскому автору.

Но только или — вернее — точно ли о будущем идет речь в рассказе, с которым познакомились читатели «Искателя»? Стоит еще раз вернуться к словам автора: «Семена... были посеяны еще в двадцатом веке, но страшный урожай был собран сто лет спустя». И скорее всего, страшное перенаселение — не более чем фантастическая предпосылка, гипербола, позволяющая Шекли словно бы под гигантским увеличительным стеклом показать своему читателю то, что происходит рядом с ним сегодня. Если в двадцать первом веке контрабанда стала полузаконным бизнесом, облагаемым, как и всякий бизнес, налогом, не случилось ли это потому, что уже сегодня полицейские порой «сотрудничают» с гангстерами, получая свою долю в «деле»?.. А если среди бела дня в огромном городе человека могут убить лишь за то, что он появился на улице, где его никто не знает, не происходит ли это из-за того, что сегодня, в двадцатом веке, в самой цивилизованной стране капиталистического мира неуклонно растет количество преступлений?.. Вот некоторые из «семян», о которых пишет Шекли; и если сегодня не обращать на них внимания, завтра они могут стать той самой безрадостной картиной, которую представляет собой рассказ «Ловушка для людей».

Рассказ на первый взгляд кажется лишь пессимистичным. Но читатели, хорошо знакомые с творчеством Роберта Шекли, знают: писателя никогда не оставляет вера в Человека, в то лучшее, чем может гордиться Человек. И еще — читать Шекли надо очень внимательно, он не объясняет читателю все до конца, он приглашает его подумать вместе с собой, самостоятельно сделать тот или иной вывод. И внимательный читатель «Ловушки для людей» поймет, что и в этом рассказе Роберт Шекли верен своим убеждениям. Вот Человек, герой рассказа, преодолевает одно препятствие за другим, проявляя в критические моменты мужество, присутствие духа, выдержку. Он сам не подозревал, что может выдержать подобные испытания. Вот на помощь ему приходит другой Человек и жертвует жизнью, чтобы помочь Стиву Бэкстеру достичь цели... И пусть победа героя выглядит такой нелепой и незначительной. Не становится ли она под пером писателя символом победы вообще? Победы Человека над тем, что мешает ему жить, Человека, способного пройти через любые препятствия.
